

ОТГОЛОСКИ АРМЯНСКОЙ ТРАГЕДИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

Тема трагической судьбы армянского народа, подвергнутого массовому истреблению турецкими властями, вошла в русскую литературу еще с конца XIX века, с того самого времени, когда в Западной Армении стали осуществляться массовые погромы армян. Тема эта волновала русских писателей и поэтов на протяжении всего XX столетия и отразилась в их произведениях самых разных жанров. Проследивая развитие этой темы в русской поэзии второй половины XX века, можно заметить и то общее, что связывает ее с предшествующими десятилетиями, и то отличительное, что обусловлено временем создания того или иного стихотворения и, конечно же, художественным видением, неповторимостью творческого почерка каждого поэта.

В русской поэзии первых десятилетий XX века тема геноцида армян была отображена современниками, а порой и очевидцами страшной трагедии или же ее зримых последствий. Так, в поэтическом сборнике Сергея Городецкого «Ангел Армении» (Тифлис, 1918) отразились его непосредственные впечатления от увиденного и пережитого на Кавказском фронте, в Турецкой Армении, куда он был направлен в апреле 1916 года как корреспондент газеты «Русское слово» и член Всероссийского союза городов. В сборнике с обнаженной реальностью запечатлены следы нечеловеческих злодеяний турок. И даже в более поздней лирике С. Городецкого всплывают страшные, незабываемые картины увиденного им собственными глазами. В стихотворении «Братьям-армянам» (1941) поэт пишет:

Помню: плакали граниты,
В снег костей людских укрыты,
Косы девушек убитых
Шли на гнезда воронью.
Дети с гибелью во взорах
Одичав, скитались в горах,
Потеряв свою семью...¹

А в стихотворении Осипа Мандельштама «Фаэтонщик» (1931) изображена наглядная картина представшего взору поэта омертвелою города Шуши в Нагорном Карабахе, где весной 1920 года турки вырезали армянское население. «В этом городе, – вспоминает вдова поэта Надежда Мандельштам, – картина катастрофы и резни была до ужаса наглядной. Мы прошли по улицам,

¹ Городецкий С. Об Армении и армянской культуре. Ер., 1974, с. 16.

и всюду одно и то же: два ряда домов без крыши, без окон, без дверей. ...Все перегородки сломаны, и сквозь эти остовы всюду сквозит синее небо. Говорят, после резни все колодцы были забиты трупами. Если кто и уцелел, то бежал из этого города смерти»². Поэтический образ этого кошмарного зрелища, вызвавшего у Мандельштама «страхи, соприсродные душе», дан в стихотворении:

Сорок тысяч мертвых окон	И бесстыдно розовеют
Там видны со всех сторон,	Обнаженные дома,
И труда бездушный кокон	А над ними неба мреет
На горах похоронен.	Темно-синяя чума ³ .

В русской поэзии второй половины XX века уже не встречаются подобные мотивы, что вполне понятно. Тема геноцида армян находит здесь отражение как отдаленная от авторов десятилетиями трагическая, нетленная страница армянской истории. Трагедия народа, пережившего геноцид, глубоко прочувствована русскими поэтами. Этой теме посвящены целые стихотворения, или же она проходит отдельными мотивами в различных стихах об Армении. Можно заметить, что сквозь призму этой вечно горящей, обжигающей темы зачастую и воспринимают поэты нашу страну и ее народ, его судьбу, облик, бытие... И армянская трагедия постоянно живет в их неостывающей памяти. Это можно увидеть в стихотворении Марии Петровых, замечательного русского поэта и переводчицы армянской поэзии, написанном в 1957 году, «В домах московских каждое окно...». Поводом к его созданию стало известие о том, что в октябре 1957 года в Ереване несколько раз объявлялось полное затемнение. Это известие растревожило, разбудило память М. Петровых; оно было воспринято как зловещее напоминание о страшных днях армянской истории:

...Но видится и слышится одно:
Турецкий ветер с моря-океана
О стекла бьет, и на сердце темно
От затемненных окон Еревана⁴.

С середины 30-х годов прошлого века и вплоть до самой своей кончины (1972) теснейшими узами была связана с Арменией Вера Звягинцева. Знакомство с нашей страной, начавшееся с ее переводческой деятельности, с годами переросло в чувство глубокой привязанности и любви. Сама Звягинцева признавалась, что это чувство во многом было рождено ее постижением исторической судьбы армянского народа. «Но за что же все-таки я полюбила Армению? Полюбила сперва за трагическое прошлое, а затем за мужественное преодоление этого прошлого»⁵. В. Звягинцева никогда не забывала о пережитой армянами трагедии, она подчеркивала свое непримиримое отношение к тому, что произошло. Ее стихотворение «Армянскому народу» (1960) начинается строками:

² Мандельштам Н. Я. Кщментарий к стихам 1930–1937 гг. // «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама». Воронеж, 1990, с. 211.

³ Мандельштам О. Стихотворения, проза, записные книжки. Ер., 1989, с. 27.

⁴ См. Мкртчян Л. След в сердцах // «Коммунист» (Ереван), 3 апреля 1988.

⁵ Звягинцева В. Клянюсь Еревану и Арарату. Стихи, статьи, письма. Ер., 1998, с. 114. Все цитаты приводятся по указанному изданию.

Ни бездомной печали твоей,
Ни бесчисленных безвестных могил
Не прощу черной злобе людей,
Не прощу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

14 ноября 1960 года В. Звягинцева пишет стихотворение «Стамбул». А в ее письме Левону Мкртчяну от 28 ноября читаем: «Я ездила за границу: в Албанию, Грецию, долго стоял пароход в красивом, но трагическом и злом для меня (из-за армян) Стамбуле». Эти сложные, противоречивые чувства от встречи с городом выражены и в стихотворении: город давней мечты, известный своими достопримечательностями, архитектурными памятниками, и – город, залитый кровью армян... Только сквозь призму армянской трагедии воспринимает В. Звягинцева увиденное: в реальные картины врываются голоса и видения прошлого; в гудках пароходов ей слышится тревога, а ветер доносит до нее «три вопля матери-армянки сквозь годы безысходных слез»... Проплывая по Золотому Рогу, поэт не в силах воспринимать красоту этих мест:

А сердце бьет и бьет тревогу –
Встает передо мною тень
Моей Армении печальной,
Сиаманто, и Варужан,
И Комитас многострадальный,
И боль, и кровь армянских ран...

«И боль, и кровь армянских ран» неотвязно всплывали в памяти В. Звягинцевой среди светлых, радужных воспоминаний об Армении. В стихотворении 1965 года «Опять о том же» она пишет:

Нагляделась на горы и доли я,
На хребты, где не тает снежок;
В Цахкадзоре мальчишки веселые
В пионерский трубили рожок...
Отчего ж мне доньне мерещатся
Дым пожаров и слезы детей,
У стамбульского берега плещутся
Волны, сока граната красней...

А судьба Комитаса – гениального армянского музыканта и композитора, потерявшего рассудок от происходивших на его глазах событий 1915 года, стала темой стихотворения (1959) Арсения Тарковского. У Тарковского сливаются воедино – по силе душевных переживаний – автор и его герой:

Ничего душа не хочет,	...Вся в крови моя рубаха,
И, не открывая глаз,	Потому что и меня
В небо смотрит и бормочет,	Обдувает ветром страха
Как безумный Комитас.	Стародавняя резня ⁶ .

⁶ Тарковский А. Звезды над Арагацем. Ер., 1988, с. 162.

Эти удивительной силы образы обнажают всю мощь трагедии, а в заключительные строки стихотворения вплетается мотив безнаказанности чудовищного преступления перед армянским народом: «...И стоит в багровых звездах / Кривда Страшного суда».

Тема геноцида занимает существенное место в поэтическом цикле Александра Гитовича «Пиры в Армении», окончательно сложившемся в середине 60-х годов. Раздумья поэта об исторической судьбе армян отражены в целом ряде стихотворений цикла. Одно из них – «Военный парад в Ереване», о котором сам Гитович писал: «Мне оно дороже многих удач. В нем как бы соль всего того, что мне хотелось сказать об Армении...»⁷. Стихотворение было написано под впечатлением парада в честь Октябрьской годовщины, который поэт наблюдал из окна гостиницы «Армения» в 1965 году.

Путь к справедливости далек и труден.
Трибуны – слева,
Справа – Арарат.
И дальнобойные стволы орудий
Под солнцем недвусмысленно блестят.
И, призрачной прикрытая одеждой,
Следит за ними
С самого утра
С тревогой, восторгом и надеждой –
Великая Армянская гора.

Образ Арарата выступает здесь политически заостренно в сравнении со стихотворениями русских поэтов об Армении рассматриваемого периода. Традиционно (в поэзии В. Звягинцевой, М. Петровых, И. Снеговой, Е. Николаевской и др.) Арарат воспринимается как символ Армении, зримая часть ее пейзажа (Арарат виден как на ладони), символ библейской и армянской древности... У Гитовича же подчеркнуто, что «великая Армянская гора» отрезана от Армении. И этот мотив, констатирующий факт исторической несправедливости и выражающий надежду на ее искоренение, можно считать одним из сквозных: он, как увидим, встречается и в стихах других русских поэтов.

В стихотворении «Текли века – и позабыть пора бы...» Гитович говорит о «религии Погромов и Резни», насаждаемой врагами армян на протяжении веков, и о том, что с течением времени эта «религия», увы, не канула в Лету:

...А там и ты пришел, Абдул Гамид,
Побаловаться в каменных деревьях –
Поет зурна, и барабан гремит,
И трупы коченеют на деревьях.

И эта варварская политика уничтожения проводилась по отношению к народу-труженику, народу-творцу и созидателю. Об этом стихотворение Ги-

⁷ Гитович А. Пиры в Армении. Ер., 1968, с. 13. Стихотворения А. Гитовича цитируются по указ. изданию.

товича «Подражание Пушкину» (навеянное пушкинским «Стамбул гяуры нынче славят»):

Не забыли мы, как в селах отчих
Полыхал неистовый пожар –
На страну строителей и зодчих
Пали ятаганы янычар.
И когда нас буря долу гнула,
Различали мы через туман
Драгоценные дворцы Стамбула,
Созданные гением армян.

Отголоски трагедии армянского народа явственно доносятся из стихотворения Семена Липкина «Ереванская роза» (1965). Построив стихотворение на контрастном противопоставлении «ереванской розы» (красота, поэзия, гармония) и «ереванской прозы» (быт, обыденность, реальная жизнь), поэт видит воплощение последней и –

В старике, прищемившем
Левантийские четки
Там, где брызги фонтана летят,
В малыше, устремившем
Свой пытливый и кроткий,
Умудренный страданием взгляд...⁸

Образы старика с левантийскими четками и малыша со взглядом, умудренным страданием, объединены у Липкина: здесь историческая судьба народа, боль поколения старика отражены в глазах ребенка... А в 1972 году С. Липкин пишет стихотворение «Годовщина армянского горя» – о «страшной годовщине страшной народной гибели», о поминовении в Эчмиадзинском соборе душ «невинно убиенных» – жертв геноцида.

В 1974 году было написано стихотворение Давида Самойлова «Армения». Здесь всего три строфы, но поэту этого оказалось достаточно, чтобы сгущенными и содержащими глубокий смысл и подтекст образами «оправдать» его название – «Армения». Армения Самойлова – это страна, где «Ара-рата древнее господство», страна раннего христианства, страна народа-труженика, народа-творца... И этот народ был подвергнут чудовищному истреблению:

Страданья разоренных вилайетов,
Забывтые уже в иных местах,

До сей поры рождают у поэтов
Грозу в глазах и песню на устах⁹.

Обратим внимание на вторую строку этого заключительного четверостишия: «Забывтые уже в иных местах»... Да, действительно, геноцид армян

⁸ Липкин С. Очевидец, М., 1967, с. 141.

⁹ Самойлов Д. Весть. М., 1978, с. 34

замалчивался не только разными государствами: она была отнюдь не популярна и в советской стране. Поэтому все, что связано с геноцидом, озвучивалось тогда очень осторожно, продуманно. Но для поэтов, слова которых шли от сердца, от души, не существовало идеологических преград: поэты ведь искренни в выражении своих чувств...

Таким искренним порывом сострадания армянской трагедии и надеждой на восстановление исторической справедливости проникнуто стихотворение Евгения Евтушенко «Геворгу Эмину». Здесь тоже, как и у А. Гитовича, озвучена тема отторженного от Армении Арарата:

Нет, армянину русский брат не тот,
Кто вникнуть в боль Армении не хочет,
Кто, развалясь, коньяк армянский пьет,
О радио армянском анекдотит.
А тот вам русский брат, кто смог понять
Весь путь ваш страшный, все резни и бойни,
Кто вашу боль сумел в себя принять,
Как если б это было русской болью.

.....
И потому – как огнятый мой брат
Неоторвимо и неотрубимо
С мольбою и укором Арарат
Зовет меня, как будто армянина.

А романтическая надежда на восстановление справедливости и самоотверженная готовность поэта сделать во имя этого все возможное выражены в самом конце стихотворения:

И верю я – настанет день, когда
Границ не будет – только арки радуг,
Исчезнут в мире злоба и вражда,
И я прижмусь щекою к Арарату.
А если нет – лишь бы хватило сил! –
Пусть надорвусь, пусть мой хребет дробится, –
Я Арарат на плечи бы взвалил
И перенес его через границу...¹⁰

Тема геноцида армян отчетливо прозвучала в поэтическом цикле Михаила Матусовского «Строки из горячего тонара», написанном в середине 80-х годов под впечатлением его второго приезда в Армению. Одноименный сборник на русском и армянском языках (переводы Сильвы Капутикян) вышел в свет в 1988 году. По словам С. Капутикян, эта книга «поистине пронизана и окутана дымом вечно покрытых пеплом угольев нашей боли»¹¹. В стихотворениях «Хачкары, хачкары...», «Старики в Гоше», «Варили арису», «Арка Чаренца»¹²

¹⁰ Евтушенко Е. Геворгу Эмину // «Коммунист» (Ереван), 1 апреля 1990.

¹¹ Капутикян С. Добрый свет // «Коммунист», 27 июля 1990.

¹² См. Матусовский М. Строки из горячего тонара. Ер., 1988. Стихотворения Матусовского цитируются по указонному изданию (с. 18-19, 68).

упоминаются названия тех мест, где армяне оказывали героическое сопротивление турецким войскам, – Сасун, Муса-даг, Сардарапат... Острое сопереживание армянской трагедии выражено в стихотворении Матусовского «Памятник на горе Цицернакаберд» (отметим, что этот памятник тоже стал одним из сквозных мотивов темы геноцида армян в русской литературе второй половины XX века). Посещение памятника, по словам Матусовского, произвело на него неизгладимое впечатление. «На этот памятник невозможно смотреть спокойно, – писал он. – Двенадцать гигантских камней собрались вокруг, как двенадцать округов, откуда были изгнаны армяне. Или – это двенадцать скорбно накренившихся хачкаров. Или – это двенадцать вдов, окаменевших в своем горе. Или – это двенадцать воинов, сговаривающихся, чтобы отомстить врагам»¹³. Строка из обработанной Комитасом народной песни «Гарун а, дзюн а арел» («Весна, всё в снегу») стала рефреном стихотворения, что усилило его трагическое звучание:

С тех пор ночами напролет
Я обречен в бреду метаться:
«Уже весна, а снег идет!» –
Поет безумье Комитаса.
В нем – журавлиной песни грусть,
И боль, и кровная обида,
И я со всеми становлюсь
Безвестной жертвой геноцида.
... «Уже весна, а снег идет»,
Как бы в смятенье вся природа.
С лица стирает кровь и пот
Апрель пятнадцатого года...

А строки из стихотворения М. Матусовского «Гобелен Григора Ханджяна»:

Да и память истории тоже порой ненадежна:
Там подчищена строчка, а тут – недостача страницы,
Там изъяты бумаги, а тут – подгасована правда,
Там подправлена дата, а тут – уничтожен свидетель, –

могли бы стать эпиграфом к написанному в 1987 году стихотворению Владимира Корнилова «Радиопередача», впервые опубликованному в № 8 журнала «Новый мир» за 1988 г. В. Корнилов, участник правозащитного движения, был исключен из Союза писателей СССР и долгие годы не печатался на родине. Он вернулся к советскому читателю лишь в конце 80-х годов, выпустив в свет два поэтических сборника, а в 1990-м составил свое первое «Избранное», куда, как отмечено в аннотации, «включил наиболее значительное из созданного за многие годы поэтической работы». Подчеркнем, что В. Корнилов поместил в своем «Избранном» стихотворение «Радиопередача», посвященное Сильве Капутикян; следовательно, он считал его важным для своего творчества. Здесь изобличается весьма характерное для политики Турции явление – беззастенчивая фальсификация истории, полное отрицание факта геноцида

¹³ Указ. соч., с. 8.

армян. Заметим также, что эта тема, не раз обсуждаемая в научных кругах, в периодике, публицистике, впервые стала предметом прямого художественного отображения в поэзии.

Колесико, что ли, крутнул	Меня выдирая из сна,
Сегодня сильнее? –	Вещает во мраке:
И вот среди ночи Стамбул	Мол, черного года резня –
Несет ахинею.	Армянские враки.

Однако истины не скрыть, как бы ни изворачивался диктор в своей словесной акробатике, доказывая, что «все как бы на равных». Слово поэта обращено к диктору – как к потомку тех, кто осуществил геноцид; и вообще ко всем, кто пытается извратить, замаскировать прошлое:

...Обелять не спеши	Послушай, не будем крутить,
Лихое наследство.	А врать – и тем паче.
Пойми: несвобода от лжи	Минувшего не утаить,
Доводит до зверства.	Не переиначить.

Не стоит с ним также играть
Ни в прятки, ни в жмурки,
А то можно стыд потерять,
Как радиотурки¹⁴.

Особое место тема геноцида занимает в творчестве Бориса Чичибабина, поэта поразительной честности, поэта-правдоискателя. Чичибабин тоже, как и В. Корнилов, был исключен из Союза писателей СССР (в 1973 году), за стихи о Твардовском, за стихотворение «Отъезжающим». Первые его сборники вышли в середине 60-х, но потом он более двадцати лет был изолирован от читателя и издал две поэтические книги лишь в 1989 и 1990 годах. Дружба с правозащитником Генрихом Алтуняном, арестованным в 1981 году, и стала, по свидетельству жены поэта, поводом для их приезда в Армению – на родину друга¹⁵. В первой половине 80-х они дважды побывали в Армении. В своем эссе о Борисе Чичибабине поэт Е. Ольшанская приводит строки из его письма: «Самым большим, еще как следует не переваренным, не отраженным в стихах, открытием-потрясением последних лет нашей жизни остается Армения. ...Каждый поэт, каждый духовный человек должен, в конце концов, хотя бы раз в жизни увидеть эту единственную, святую, прекрасную, трагическую землю»¹⁶. А очерк самого Чичибабина «В сердце моем болит Армения», написанный уже в 1991 году, после того как были созданы его поэтические «Псалмы Армении», помогает понять суть его восприятия нашей страны, что и нашло отражение в его глубоко прочувствованных поэтических строках.

¹⁴ Корнилов В. Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1991, сс. 201-202.

¹⁵ См. Алексян М. Армения – редкая и своеобразная страна. Беседа с Л. Карась-Чичибабиной // «Элитарная газета», 31 октября 2006.

¹⁶ Ольшанская Е. Портрет без ретуши // «Ренессанс» (Киев), 1995, № 11, с. 103.

В очерке Б. Чичибабин пишет, что впервые увидел Армению из окна железнодорожного вагона и после роскошной и пышной природы Грузии был поражен представшей его взору неожиданно резкой сменой пейзажа... «Конечно, и до этой первой “материальной” встречи с армянской землей я что-то знал об Армении... Я знал, что еще до расцвета Эллады и Рима и потом, наравне с ними и пережив их, Армения была великим, обширным и могучим государством, что она стала первой страной в мировой истории, утвердившей христианство как государственную религию. Я знал о великой и древней армянской культуре, о великой армянской духовности, о том, что Армения – страна святых и героев, страна великих просветителей, зодчих, историков, поэтов... Я знал о леденящей кровь трагедии армянского геноцида <...> Перед самой поездкой в Армению мы с женой прочитали путевые заметки о ней мудрого и прекрасного Василия Гроссмана и Андрея Битова. Но одно дело – читать, знать, помнить, и совсем другое дело – увидеть воочию, хотя бы даже так, в первый раз, из окна вагона. Не нужно было ничего знать, ничего помнить: все сказала сама земля, пустынная, горькая, вся в камнях (как после землетрясения, как после погрома), требующая неслыханных трудов и подвигов. Сама земля была образом и подобием своей истории, судьбы народа»¹⁷. И эти живые впечатления, обогатившие глубинное понимание Чичибабиным жизни и судьбы армянской страны и ее народа, дали удивительный поэтический результат: у читателя возникает ощущение, что все, что выразил поэт в стихотворениях, посвященных Армении, – это не взгляд со стороны, а взгляд изнутри.

Свои стихотворения об Армении Чичибабин назвал «Псалмами», что уже само по себе говорит о его возвышенном отношении к стране и ее народу. Армения для него – земля духовная, библейская, неразрывно связанная с Араратом, и не случайно в «Псалмах» дважды возникает образ горы, разлученной с Родиной (мотив, который встречался у Ал. Гитовича и Евг. Евтушенко): «Там беловенечный плывет Арарат / Близ алчущих глаз Еревана»¹⁸, – это «Псалом Армении». А вот строки из «Третьего псалма Армении»: «Но сердце-то знает о том, как горька небесам / Земная разлука Армении и Арарата».

Тема геноцида проходит через все четыре стихотворения, посвященных Армении, причем в них можно встретить почти все мотивы этой темы, прослеженные в стихах русских поэтов. И выражены они ярко, взволнованно и очень индивидуально. Сквозь строки и образы стихотворений виден поэт, переживающий трагедию целого народа как свою личную: «Мой мозг сечет резня Пятнадцатого года», – так остро, пронзительно выразил Чичибабин свою боль в стихотворении «Четвертый псалом», где он называет нашу страну «отверженной сироткой Закавказья». Поэт призывает все человечество к состраданию армянской трагедии: «...Но дай мне заплакать, чтоб мир зарыдал / О мраке турецкой резни».

¹⁷ Чичибабин Б. В сердце моем болит Армения // «Республика Армения», 18 июня 1991.

¹⁸ Чичибабин Б. Колокол. М., 1989, с. 235. Далее стихи цитируются по указ. изданию.

«Третий псалом Армении» – о памятнике жертвам геноцида. Стихотворение это наполнено неизбывной скорбью и суровым укором; оно звучит как величественный реквием по всем невинным жертвам-армянам. Этому способствует и интонация стиха – размеренного, с тяжелой, неторопливой поступью, – настраивающая на горестные раздумья и глубокое сопереживание трагедии армянского народа:

Не в праздничном блеске и не в суете площадной
Является взорам, забывшим про казни и войны,
Тот памятник людям, убитым за то лишь одно,
Что были армяне – и этого было довольно.

...О век мой подсудный, в лицо мое кровью плесни!
Зернистая тяжесть нагнулась над злом стародавним,
И плачет над жертвами той беззабвенной резни
Поющее пламя, колеблемое состраданьем.

Сквозь эти строки ощущается не только глубоко выстрадавшая поэтом трагедия армян, но и его чувство растерянности перед чудовищным злом, так и оставшимся безнаказанным. Поэтому он и называет свой век «подсудным»... Чичибабину вообще была в огромной степени присуща обостренная совесть. Он словно ощущал свою собственную вину за все темное, несправедливое, бесчеловечное, что открывалось его взору и сердцу.

Предваряя публикацию своих стихов в журнале «Литературная Армения», Борис Чичибабин писал: «Среди народов мира, за вычетом еврейского, я не знаю народа с более великой и трагической судьбой, чем армянский народ. Эта трагедия осязаемо-зримо выражена в рельефе армянской земли, каменистой и скудной, в памятниках армянской культуры, знаменитых хачкарах, в лицах и глазах армянских мужчин и женщин. ...Кроме родства по крови, есть родство по духу, и я считаю Армению своей духовной мистической, судебной родиной. Из всех земель и краев, которые я видел воочию или о которых читал в книгах, у меня нет земли и края роднее, ближе, желаннее, чем Армения»¹⁹. Эти глубоко искренние, идущие от самого сердца поэта слова нам особенно дороги.

В 1987 году в Армении впервые побывал Александр Кушнер. До этого он был знаком с Арменией через ее литературу: переводил армянскую поэзию, в том числе и западноармянских поэтов – Даниэла Варужана, Мисака Мецаренца. В том же 1987 году им был создан поэтический цикл «Армянская тетрадь». Здесь в емких, ярких образах спрессованы армянская древность и современность; тонко подмечены характерные черты армянской земли, ее пейзажа, жизни, истории, культуры... В цикле нет стихотворений, посвященных теме геноцида, но через отдельные строки «Армянской тетради» читатель ощущает, насколько глубоко вобрал в себя А. Кушнер трагедию этого народа: «В Армении и я на миг, что я еврей, / Почувствую, в своем подспудном роясь

¹⁹ «Литературная Армения», 1991, № 10, с. 3.

мраке»²⁰, – признается поэт, и в подтексте этих строк многое открывается для читателя... А в другом стихотворении, опять же не выделяя тему геноцида, поэт как бы ненавязчиво вводит ее в строку, говоря о том, как близка ему Армения, и о том, что он разделяет ее историческую боль:

Да, да, заботиться о маленькой стране,
Туманном будущем и ветхой старине,
По именам царей всех знать рыжебородых,
Осадок в приторном любить ее вине,
При всех присутствовать ее скорбях и родах...

Последняя строка цитированного отрывка получает свое развитие в стихотворении «...Легко ль реке самой себя глотать?», где подчеркиваются жизнестойкость и жизнелюбие армян, их умение преодолевать тяжелейшие испытания истории:

В стране огромной малая страна
Затерянной не хочет быть, не может,
В тысячелетья кутаясь, она
Считает: век не лучший ею прожит.

Но и резню, и казни пережив,
Себя, как в реку камень, не роняет,
Но строит дом, и пробует мотив,
И крутолобых мальчиков рождает.

Михаил Дудин, связанный с Арменией многолетней дружбой, что нашло яркое отражение в его стихотворениях, переводах армянской поэзии, статьях, – глубоко проникся исторической болью армянского народа. В своем предисловии к впервые изданному на русском языке роману Франца Верфеля «Сорок дней Муса-дага» он, в частности, писал: «Есть в Ереване на крутом берегу Раздана печальный памятник жертвам геноцида, памятник позору истории Турции. Памятник чудовищному преступлению разнузданного национализма, можно сказать, первого реального действия фашизма в двадцатом веке, уничтожившего в 1915 году половину армян, памятник жестокости. Памятник предупреждения всем народам всей нашей земли. И когда я там бываю, я слышу плач Комитаса, пронзительный плач недоумения и тревоги, плач человеческой души из космоса, обращенный вечным своим звучанием ко всем человеческим душам будущих времен»²¹. О том, насколько глубоко понял и почувствовал Михаил Дудин судьбу армянского народа, говорят и его «Стихи, посвященные Левону Мкртчяну» (1986). И здесь с новой силой звучат мотивы незаживающих ран армянского народа, жестокой исторической несправедливости, отрезанности Арарата от родной земли. Воскресив образ Абовяна, восходящего к белой вершине Арарата, Дудин пишет:

²⁰ Кушнер А. Ночная музыка. Л., 1991, с. 59. Стихотворения А. Кушнера цитируются по указ. изданию.

²¹ Дудин М. С вершины мужества // Верфель Ф. Сорок дней Муса-дага. Ер., 1982, с. 6-7.

За ним из тьмы столетий
На каменный рудут
Трагические дети
Армении идут.

Они свой путь свершили,
Оставив жизни след,
Но им без той вершины
Успокоенья нет.

Сквозь бури и бураны
На справедливый суд
Они к вершине раны
Армении несут²².

Обозревая тему геноцида в русской поэзии второй половины XX века, отметим, что до конца 80-х годов эта тема освещалась как незабываемое прошлое, но именно прошлое, которое никогда больше не повторится. Но когда начались события в Нагорном Карабахе, русские поэты незамедлительно откликнулись, искренне выражая свою точку зрения, явно расходящуюся с государственной, горбачевской. И происходящие на их глазах события стали у них ассоциироваться с геноцидом 1915 года. Среди этих поэтов назовем имена Михаила Дудина, Михаила Матусовского, Бориса Чичибабина... М. Дудин писал:

То геноцид, то Сумгаит,
То гром землетрясения.
Все кровь и кровь. И все болит
В судьбе твоей, Армения.

Но достает тебе равно
На хлеб и песню рвения.
И я люблю тебя давно
За веру в жизнь, Армения.

Но это – уже несколько иная тема, поскольку в этих стихах Дудина, Матусовского и Чичибабина акцентируются современные события (что вполне естественно). Обращаясь же непосредственно к отражению в русской поэзии трагических событий 1915 года, отделенных от нас уже целым столетием, отметим еще стихотворение Марка Рыжкова «Апрель», опубликованное в журнале «Литературная Армения» почти в самом конце XX века, – в 1998 году. Будучи по профессии врачом, Марк Рыжков обладал еще и поэтическим даром. Побывав в Армении, он горячо полюбил нашу страну, посвятил ей стихи; он переводил армянских поэтов – Геворга Эмина, Паруйра Севака, Размика Давояна... В стихотворении «Апрель» звучат разные мотивы темы геноцида, но превалирует мажорный мотив – жизнестойкости и жизнелюбия армянского народа, и в этом оно перекликается с вышеприведенными строками А. Кушнера, М. Дудина и других русских поэтов:

В духовной памяти армянского народа
Осталась эта рана навсегда.
Трагедию пятнадцатого года
Не заслонят события и года.

²² Дудин М. Земля обетованная. Ер., 1989, с. 12. Стихотворения Дудина цитируются по указ. изданию.

...Проклятье праху тех, кто нес насилье.
Забвенье и позор безумным палачам.
Жива Армения! И в этом их бессилье.
Жива наперекор пожарам и мечам!²³

Рассмотренные нами образцы русской поэзии второй половины XX века, отражающие тему геноцида армян 1915 года, проникнуты глубоким состраданием трагедии, пережитой армянским народом, – трагедии, которая неизгладима и в памяти русских поэтов. В этих стихотворениях звучат также мотивы безнаказанности преступления турок, надежды на восстановление исторической справедливости и, конечно же, веры в жизненные и творческие силы народа, перенесшего это нечеловеческое испытание судьбы.

Ключевые слова: *геноцид, память, чудовищное преступление, сострадание, скорбь, фальсификация истории, жизнестойкость народа*

ՄԱԳԴԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Հայկական ողբերգության արձագանքները XX դարի երկրորդ կեսի ռուս պոեզիայում – Հոդվածում արծարծվում է Հայոց ցեղասպանության թեման ռուս բանաստեղծներ Վ. Ջվյագինցևայի, Ա. Գիտովիչի, Ա. Տարկովսկու, Մ. Մատուսովսկու, Բ. Չիչիբաբինի, Մ. Դուդինի և այլոց ստեղծագործության մեջ: Նույնիսկ տասնամյակներ անց Հայոց ցեղասպանության թեման խորապես հուզում էր ռուս բանաստեղծներին և դարձել էր Հայաստանի և նրա ժողովրդի ճակատագրի ընկալման անբաժանելի մասը: Առանձնացվել են բանաստեղծությունների բնորոշ մոտիվները. խորը կարեկցանք հայոց ողբերգությանը, ցեղասպանությունն իրագործած Թուրքիայի անպատժելիությունը, պատմական արդարության վերականգնման հույսը, հայ ժողովրդի կենսունակությունը և սերը կյանքի նկատմամբ:

Բանալի բառեր – *Ցեղասպանություն, հիշատակ, հրեշավոր հանցագործություն, կարեկցանք, պատմության կեղծում, ժողովրդի կենսունակություն*

MAGDA JANPOLADYAN – The Echoes of the Armenian Tragedy in Russian Poetry in the Second Half of the 20th Century. – The subject of the article is the topic of the Armenian Genocide in the works of Russian poets, such as V. Zvyagintseva, A. Gitovich, A. Tarkovsky, M. Matusovsky, B. Chichibabin, M. Dudin and others. The author of the article shows that even decades after the Armenian Genocide it remained a matter of concern for Russian poets, becoming an integral part of their perception of Armenia's and its people's fate. The main motives of poems are distinguished, such as deep compassion for the Armenian tragedy, the impunity of Turkey as genocide committer, hope for the restoration of historical justice, the vitality of the Armenian people and their love for life.

Key words: *Genocide, memory, monstrous crime, compassion, falsification of history, vitality of people*

²³ «Литературная Армения», 1998, № 4, с. 104.